

Харе ведь так долго собирался с духом, чтобы во всём признаться!

Пусть Сукуна и был особенным, юноша искренне надеялся показать людям этого мира: этот Король проклятий совсем не такой, каким его малюют в легендах. И даже если они не смогут принять его, то хотя бы перестанут дрожать от страха.

Он уже мысленно подготовился к тому, что его вышвырнут из Технической школы магии, и тогда он просто отправится к маме в Культ Древних Сказаний...

И что в итоге? Ни одна живая душа ему не поверила!

Харе оцепенел. Чувство неловкости накрыло его с головой, грозя окончательно похоронить под лавиной стыда. Он медленно обернулся и посмотрел на Сукуну. *Боже, до чего же у тебя отвратительная репутация...*

Сукуна стоял позади, скрестив руки на груди. Чуть вздёрнув подбородок, он загадочно ухмылялся, всем своим видом напоминая прирученного хищника, который с гордостью демонстрирует чужакам именную бирку на ошейнике. Величественный, грозный... и чертовски ребячливый в этот момент.

Взгляд Харе стал ещё сложнее. Похоже, этот истукан даже не подозревал, насколько дурная слава идёт о нём в народе. Прямо язык не поворачивался открыть ему глаза.

Впрочем, Сукуна не то чтобы не знал — ему было абсолютно, до глубокого безразличия плевать на то, что о нём думают окружающие. Заметив внимание своего ненаглядного, он выпрямился ещё сильнее, приняв максимально независимый и развязный вид, и лениво опустил веки, глядя сверху вниз.

И чего этот мелкий так на меня уставился?

Ха, ну точно, оторвать глаз не может. Очарован моим величием.

Только что при всех признался в любви, а теперь уже изнывает от желания получить поцелуй?

Какой же он всё-таки приставучий. Избаловал я паршивца, совсем затискать готов.

Ох, ну что с ним поделаешь...

Напридумывав себе лишнего, грозный Король проклятий довольно прищурился — точь-в-точь обласканный кот, которому почесали за ушком. Он резко наклонился и с сочным, звонким чмоком припечатался прямо к губам Харе.

Звук получился настолько отчётливым и мокрым, что эхо от него, казалось, разнеслось по всей поляне. Все присутствующие застыли. У Харе, который едва успел перевести дух, лицо мгновенно вспыхнуло пунцовым цветом. В голове с треском замкнуло. Всё, пиши пропало.

Стоявшая в трёх метрах от них Маки машинально поправила сползшие на кончик носа очки, чтобы получше разглядеть сие непотребство, и, ухмыльнувшись, издала неопределённый, но явно подначивающий смешок:

— О-о-о...

Оккоцу впал в ступор секунды на три, прежде чем вспомнил о приличиях, и поспешно закрыл глаза ладонями.

А Инумаки Тогэ с самым невинным и ангельским выражением лица молча достал телефон и сделал пару кадров.

В мыслях троицы одновременно пронеслось: * «Так он не врал...»*

Они синхронно покачали головами. Надо же, какая неожиданность!

Оккоцу, подглядывая сквозь пальцы, решил, что ситуация Харе точь-в-точь как у него с Рикой. Вот только его Рика была милой подругой детства, и их чувства были взаимны. А Сукуна... Ну, это чудовище к понятию «милый» не стояло даже близко.

В тёмных глазах юноши отразилась глубокая скорбь и сострадание:

— Бедный Харе-кун.

Маки, закончив зубоскалить, помрачнела и вздохнула с тем же выражением лица:

— Да уж, даже как-то жаль бедолагу...

— Лосось, лосось, — согласно закивал Инумаки.

Правда раскрылась совсем не так, как планировал Харе. Товарищи наконец поверили ему, но радоваться не хотелось — остатки его репутации были растоптаны.

Харе простоял истуканом секунд десять. Сукуна, прилипший к его губам, отстраняться даже не думал. В конце концов терпение юноши лопнуло. Придя в себя, он взвился на месте и принялся неистово колотить Короля проклятий, надрывая глотку:

— А-а-а! Какого чёрта ты творишь?! Я тебя спрашиваю, ты что делаешь?!

Сукуне эти удары были что слону дробина. Он лишь снисходительно позволял своему «котёнку» царапаться, искренне полагая, что тот просто стесняется. Опыт подсказывал ему: в таких случаях нужно просто целовать чаще.

— Уф... — Харе тяжело выдохнул, чувствуя, как злость немного утихает после импровизированной взбучки. С самым вежливым видом он повернулся к ребятам и неловко улыбнулся: — Секунду, я сейчас.

После чего развернулся, мёртвой хваткой вцепился в воротник Сукуны и утащил его в сторонку для проведения воспитательной беседы.

— Чтобы в ближайшее время сидел тише травы! Никаких проблем, понял меня? — строго наставив палец, зашептал Харе.

Проклятие лишь пренебрежительно фыркнуло, скрестив руки:

— Они сами напросились.

Читай: «Сдались мне эти жалкие духи, делать мне больше нечего».

В общем-то, резонно.

Харе и сам понимал, что злиться глупо. Просто стыд за поцелуй на публике всё ещё горел на щеках. Больше всего он боялся, что прямо сейчас из-за кустов покажется его отец — вот тогда начнётся настоящий кошмар.

— Всё равно будь осторожнее... — Харе попытался поскорее выпроводить его. — У тебя ведь были какие-то дела? Вот и иди.

Он упёрся ладонями в широкую грудь Сукуны, но тот даже не шелохнулся. Лишь недовольно прищурил свои четыре глаза на суровом лице:

— С делами покончено.

Низкий бархатистый голос звучал капризно. Стало ясно: этот тип признаёт только ласку, давить на него бесполезно.

Сукуна явно злился, но при этом сдерживал себя, не собираясь устраивать резню или крушить всё вокруг. Великий Король проклятий, привыкший жить исключительно ради собственного

удовольствия, раз за разом прятал клыки ради одного-единственного человека.

Харе не мог этого не чувствовать. Противостоять такому напору было выше его сил. Раз уж это его парень, придётся как-то договариваться.

— Уходи первым. Я освобожусь попозже и приду к тебе. У меня для тебя кое-что есть.

Сукуна молча буравил его взглядом, пытаясь понять: действительно ли тот придёт или просто пытается поскорее отвяжаться.

Пока он раздумывал, Харе приподнял руку и мягко взъерошил его торчащие розовые волосы.

— Ну же, будь хорошим, — с тёплой улыбкой прошептал он.

Упрямый и вечно недовольный Король проклятий поддался ласке, гнев сменился на милость. Он лишь высокомерно хмыкнул, продолжая хранить молчание.

Поняв, что лёд тронулся, Харе приподнялся на цыпочки и, прильнув к самому уху Сукуны, выдохнул нежным, медовым голосом:

— Муженёк, будь послушным...

Сукуну словно током ударило.

Он резко повернул голову. Одно это слово привело его в неопиcуемый восторг. Он изо всех сил старался сохранить грозную мину, надеясь выторговать ещё парочку ласковых обращений, но предательские уголки губ сами собой поползли вверх, складываясь в довольную ухмылку.

Ах ты негодник, до чего же сладко поёшь...

— Ловлю на слове, — бросил он и, прежде чем раствориться в воздухе, одарил Харе многозначительным, обещающим взглядом.

Юноша облегчённо выдохнул, даже не догадываясь, какими неприятностями ему грозит этот многообещающий взор.

Оставшаяся позади троица не слышала ни слова, поэтому им пришлось довольствоваться вольным пересказом Маки:

— Так, Харе сейчас отчитывает Сукуну. Похоже, говорит что-то вроде: «Ещё раз выкинешь такое — придушу». Сукуна, кажется, признал вину и извиняется. А Харе ему: «То-то же, стой и

думай над своим поведением!». Сукуна молчит... Наверное, и правда раскаивается... О, смотрите, Харе его по голове гладит. Ну точно, как нашкодившего пса успокаивает...

Оккоцу и Инумаки слушали её с раскрытыми ртами. Всё это выглядело крайне подозрительно. Озадаченный Оккоцу не выдержал:

— А в самом конце? Когда он к уху прижался и прошептал что-то?

— «Проваливай отсюда!» — авторитетно заявила Маки, уверенно кивнув. — Сто процентов, именно это он и сказал.

Оккоцу и Инумаки переглянулись в полном недоумении:

— Э-э... Серьёзно?

— Сильно...

— Простите, что заставил ждать, — Харе подошёл к ошарашенным товарищам и неловко почесал затылок. — Насчёт моих отношений с Сукуной... Я бы не хотел, чтобы об этом трепались на каждом углу. Пожалуйста, сохраните это в тайне.

Не успел он договорить, как вся троица вытянулась по струнке и дружно подняла большие пальцы вверх:

— Поняли, босс Харе! / Икра!

Беловласый юноша растерялся:

— А?..

«Босс» Харе?..

Дорогие мои тётушки и дяди, вас там чем-то приложило?

Вам вообще нормально меня так называть?!

— Ой, как у вас тут весело! — внезапно возникший из воздуха Годжо Сатору небрежно засунул руки в карманы и огляделся по сторонам. — А где этот тип? Сбежал?

— Босс Харе велел ему проваливать! — уверенно заявила Маки, указывая на притихшего

юношу. Она ни на секунду не усомнилась в правильности своих догадок.

Сатору громко расхохотался. Он ласково стряхнул серый пепел с макушки Харе и тепло похвалил:

— Какая умница! Сразу видно — мой... кхм, мой ученик!

Сгорая от стыда, единственный знавший правду Харе подумал: * «Да что они себе там напридумывали? С какого перепугу я стал их боссом?»*

Чтобы поскорее закрыть скользкую тему, он поспешил перевести разговор:

— Учитель Годжо, а почему вы вернулись?

— О, разумеется, потому что...

Молодой и харизматичный белобрысый маг интригующе потянул гласные. Дождавшись, пока заинтригованные ребята уставятся на него, он с сияющей улыбкой поднял указательный палец:

—...потому что я безумно испугался, что этот монстр обидит моих драгоценных учеников!

— Пфе, так мы и поверили. Опять лапшу на уши вешаешь, — фыркнула Маки. Интуиция подсказывала ей, что всё далеко не так просто.

И действительно, в следующую секунду учитель весело затараторил:

— И ещё! Чуть не забыл вам сказать: завтра у нас начнётся грандиозное вступительное тестирование!

— Чего?! Завтра?! — у Харе, никогда не блиставшего успехами в учёбе, по спине пробежал холодок. Перед глазами невольно всплыли кошмары из его первого мира, когда его точно так же обухом по голове огорошили новостью об экзаменах.

Остальные возмутились не меньше:

— С какой стати так внезапно? Мы ведь вообще-то уже сто лет как поступили!

— Чёртов повязочник, о таких вещах нужно предупреждать заранее!

Внезапная проверка — худшее, что могло случиться.

— Хе-хе, ну вылетело у учителя из головы! Пошли-пошли, возвращаемся в школу!

Игнорируя праведный гнев подопечных, Сатору беззаботно отмахнулся. На самом деле никакой проверки он, конечно же, не забывал — идея родилась в его голове буквально секунду назад.

И преследовала она лишь одну цель: держать Харе как можно дальше от Сукуны.

Пока он вёл приунывших от такой новости ребят обратно, его Шесть Глаз сквозь плотную ткань повязки внимательно сканировали тело Харе. Годжо с удивлением отметил, что былых ран и ссадин на юноше стало заметно меньше.

Значит, Сукуна не солгал...

И всё равно, почему мне так паршиво на душе?

Папа Годжо мысленно сжал кулаки.

Устранение последствий на горе Кагэнобу поручили вспомогательным кураторам. Едва вернувшись в школу, Годжо Сатору не успел даже сделать глотка воды, как его тут же вызвали в кабинет директора Яги.

Войдя туда со своим обычным невозмутимым видом, он застал обливающегося потом и едва не плачущего Идзити подле мрачного Яги Масамичи. Картина прояснилась мгновенно.

— Идзити-кун, я тебя сейчас взгрею, — шутливо пригрозил Годжо.

Куратор вздрогнул всем телом, готовый разрыдаться:

— Господин Годжо...

— Ха-ха-ха! — Сатору, единственный в комнате, кто сохранял весёлый настрой, неторопливо опустился на диван напротив директора.

— Годжо, что происходит между тобой и Гето? Почему он внезапно явился к тебе? — глухим, грозным голосом спросил Яга.

Этим вечером машина Идзити должна была привезти Сатору обратно. Из-за инцидента на горе Кагэнобу, где засветился Сукуна, старейшины забили тревогу и потребовали от сильнейшего мага немедленного отчёта сразу после осмотра места происшествия.

Но Яга ждал слишком долго, а в итоге Идзити вернулся в школу один.

Глава Культа Древних Сказаний, который совсем недавно объявил войну магическому сообществу, вдруг лично заявляется к сильнейшему магу школы. Учитывая их прошлое и крайне двусмысленные отношения, Идзити попросту побоялся брать грех на душу и показал запись с автомобильного регистратора директору Яге.

После увиденного у Яги на душе скребли кошки. А тут ещё один из кураторов с места событий доложил совершенно безумную новость: дескать, Рёмэн Сукуна — парень одного из их первокурсников...

Чтобы не схватить инфаркт, директору пришлось заглотить горсть таблеток от давления. Стоило Сатору ступить на порог, как его тут же приволокли на допрос.

Годжо мельком взглянул на экран с видеозаписью. Улыбка на его лице ни на секунду не дрогнула.

— Это наши личные дела, директор. И делиться подробностями я пока не намерен. Но не переживайте, это никого не затронет.

Яга тяжело вздохнул. Такой ответ был вполне в духе Сатору. Сдерживая напор со стороны руководства, Яга не стал отправлять запись вверх, надеясь сначала услышать объяснения от самого Годжо.

— Если это видео попадёт к старейшинам, они обвинят тебя в сговоре с мятежником.

Яга устало потёр переносицу. Стоявший рядом сильнейший маг великодушно похлопал его по плечу:

— Ну же, Яга-сенсей, не берите в голову. Пусть эти гнилые верхушки трындят что хотят. Если что, просто свалите всё на мой эгоизм.

Сатору поднялся с дивана:

— Подробный отчёт по горе Кагэнобу я занесу чуть позже. Если больше вопросов нет, я пойду.

Он развернулся и, засунув руки в карманы, направился к выходу.

— Сатору, — негромко окликнул его Яга. — Я всё ещё могу тебе доверять?

Сильнейший шаман остановился у самой двери, обернулся и ослепительно улыбнулся своей фирменной, полной превосходства улыбкой:

— Разумеется. Ведь если бы я действительно задумал что-то дурное, меня всё равно никто не смог бы остановить.

Звучало дерзко, но это была чистая правда. Услышав это, Яга невольно расслабился.

Однако не успел директор перевести дух, как только что ушедший Годжо снова просунул голову в приоткрытую дверь:

— Ах да, чуть не забыл! Яга-сенсей, с завтрашнего дня у моих оболтусов внеплановое тестирование. Список необходимого инвентаря прикреплю к отчёту!

— Тестирование?! Завтра?! Какой ещё инвентарь?!

Терпение директора лопнуло. Огромный, широкоплечий мужчина подскочил на месте, яростно хрустя костяшками пальцев:

— Мерзавец Годжо, а ну стоять!

Но возмутителя спокойствия уже и след простыл — в коридоре лишь затихало эхо его довольного хохота.

Идзити, вжавшись в стену и мёртвой хваткой вцепившись в планшет, робко подал голос:

— Директор Яга... А что делать с видеозаписью?

Яга подошёл к окну и, заложив руки за спину, долго смотрел в темноту. Наконец он тяжело вздохнул:

— Удали.

Затем обернулся к поправившему очки куратору и нахмурился:

— Погоди-ка, Идзити. Мне кажется, или я забыл спросить его о чём-то очень важном?